Сергей Аксаков

Статьи об охоте

Сергей Тимофеевич Аксаков
Статьи об охоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118742
0101

Содержание

ПИСЬМО ОРУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ 4
ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К "УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ" 8
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Сергей Тимофеевич Аксаков
Статьи об охоте

ПИСЬМО ОРУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

На лестные отзывы о моей книге, появившиеся в "Москвитянине", "Современнике", московских и петербургских "Ведомостях", я могу отвечать только благодарностью, но замечания охотника я должен или принять, или опровергнуть и потому спешу отвечать почтенному рецензенту-охотнику, напечатавшему в 8-м № "Москвитянина" свой благосклонный отзыв о моих "Записках ружейного охотника": все его замечания принимаю с благодарностью, но считаю за нужное прибавить несколько объяснений и возражений.

1) Я сам, еще до отпечатания всей книги, заметил грубую ошибку, сделанную в определении меры заряда. Она состоит в том, что описанный мною заряд пригоден только для ружей, умеренно малопульных, какими я всегда стрелял; этот заряд просто невозможен для широкодульных и слишком

мал для узеньких стволов. Это была непростительная недомолвка с моей стороны, которая может ввесть в большую ошибку неопытного стрелка. Я надеялся, впрочем, что первый настоящий охотник, который удостоит мои "Записки" своим разбором, поправит мою погрешность, что и исполнилось.

2) Господин рецензент говорит, что кулика-сороку и куличка-черныша московские охотники никогда не видали и не знали по названию. Это несправедливо: и того и другого всякий год можно найти в охотном ряду; но, может быть, они известны под другими именами.

3) Время отлета травников не может совпадать с отлетом дупелей, как пишет г-н рецензент, потому что травники, как скоро поднимутся молодые, что бывает в начале июля и даже в конце июня, из болот вылетают и остальное время шатаются по берегам озер, прудов и рек. Травники пропадают совсем целым месяцем ранее дупелей; по крайней мере, так бывает в Оренбургской губернии.

4) На странице 114-й г-н рецензент говорит: "Любопытно было бы знать, каким образом доводит гагара плывучее гнездо свое до такой непромокаемости, что вода не проходит в него и не подмачивает яиц?" Гагара употребляет такую же внутреннюю обмазку, как и лысуха; а что эта обмазка, или штукатурка, есть не что иное, как помет этих птиц — убедиться нетрудно, сличив между собою обмазку и свежий помет, которого всегда бывает довольно на верху гнезда. В

словах рецензента "чего не видал, о том не спорь" слышно сомнение в справедливости моего описания; но я смею его уверить, что оно совершенно истинно.

5) Я именно сказал, что кроншнепы первого рода, а изредка и второго, выводят детей иногда в болотах (стр. 269), следовательно, четыре выводка кроншнепов, найденных г-м рецензентом в Кожуховском болоте, не будут фактом, исключительным из правил.

6) Серая куропатка даже в народе называется полевою куропаткою: этого достаточно, чтобы отнесть ее к разряду полевой дичи. Сверх того, степные губернии наши, как всем известно, преимущественно изобилуют серыми куропатками, которые выводят только детей в мелком лесу и кустарнике. Итак, эту дичь нет никакого основания отнести к другому разряду.

7) Белая, или лесная, куропатка еще бесспорнее принадлежит к отделу лесной дичи, чем серая — к полевой, ибо никогда из леса не выходит. Но это совершенная правда, что она предпочтительно выводится и держится в лесах болотистых, о чем мне следовало упомянуть.

8) Взлет вальдшнепа не только шумен, но и стремителен, особенно в частом и крупном лесу; но я отказываюсь сам от шуточного словопроизводства имени слука. По-польски вальдшнеп называется слонка, и надобно искать другого словопроизводства.

Наконец, 9) и последнее замечание г-на рецензента насчет

тяги вальдшнепов очень важно, основано на убедительных причинах и сильно меня поколебало. Я не могу уже удостовериться в истине их собственными опытами, но считаю прежние мои наблюдения недостаточными и не могу упорно оставаться при прежнем моем мнении. Пусть другие охотники решат это спорное дело.

Все остальное различие в мнениях г-на рецензента с моими заключается в разности вкусов, а главное в том, что я охотник оренбургский, он же охотник московский, столичный, и любит стрелять только болотную дичь высшего сорта да молодых тетеревят, о чем я именно говорю во вступлении моей книги (на стр. 10).

Повторяю мою благодарность и убедительно прошу всех охотников сообщать мне свои замечания. Я не для фразы напечатал, что считаю мои "Записки" иногда односторонними и неполными. Я охотно приму все замечания, соглашусь с дельными и постараюсь опровергнуть несправедливые. Я прошу для этого места в листах "Москвитянина". Для истинных охотников это дело серьезное; остальная публика может не читать нашей специальной, охотничьей переписки.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К "УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ"

Желая сколько-нибудь пособить объяснению некоторых малопонятных слов, выражений и названий в книге: "Урядник сокольничья пути", относящихся к соколиной охоте с хищными птицами, ныне приходящей в совершенное забвение,[Я не называю соколиной охотой травлю уток соколами, до сих пор продолжающуюся у башкирцев Оренбургской губернии; они портят высокую природу сокола, приучая его, не забираясь вверх, ловить уток почти в угон, по-ястребиному.] я предлагаю мои примечания на вышесказанную книгу и расскажу все, что знаю о соколиной охоте понаслышке от старых охотников и — как самовидец.

Очевидно, что первое место в великолепной соколиной охоте царя Алексея Михайловича занимали кречета; сначала упоминается просто "кречет", потом "кречатий челиг", или "чеглик", как его теперь называют охотники, то есть сначала говорится о самке кречатьей, которая всегда бывает крупнее и сильнее, а потом о самце, о челиге, уступающем ей в силе, но превосходящем в резвости полета. Кречет — птица очень мало известная; ее знают только по слухам или из книг; но я видел в моем ребячестве двух кречетов, уже немо-

лодых, которые доживали свой век у моего отца, бывшего некогда страстным охотником до ловчих птиц. Кречет пером почти белый, стати все имеет соколиные, величиною даже поменьше сокола-утятника. Он очень красив, особенно потому, что чудесные черные сокольи глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев. Я не видел этих кречетов в поле, то есть в деле, в охоте; но мне рассказывали ходившие за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно и что они бьют птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху вниз. Очень помню, что оба кречета жили в одной большой клетке, загороженной из частокола на родниковом ключе, и что в жаркое время кречета сидели, погрузив ноги в холодную воду. Охотники объясняли мне, что кречет птица сибирская, о чем упоминается не один раз в книге "Соколиного пути", что он чувствует такой жар и зуд в ногах, что в летнее время без холодной воды жить не может; что станет щипать и рвать носом свои пальцы и так их изранит, что, наконец, околеет. Я не утверждаю этого рассказа, а передаю только, что слышал. Те же охотники рассказывали мне, что у моего отца бывали некогда дербники, или дробники. Не об них ли говорит книга "Сокольничья пути" следующими словами: "Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча"? По словам старых охотников дербник бывает очень мал, не более копчика, и соединяет в себе свойства сокола и ястреба, то есть бьет птицу сверху и ловит в угон; что на травлю всегда пус-

кают двух дербников, что ими травят только мелкую птицу и что самая веселая охота напускать их на жаворонков в то время, когда жаворонок сам поднимется высоко от земли: один дербник бьет его сверху вниз, а другой, не допуская садиться, подбивает снизу вверх; что эта потеха продолжается иногда несколько минут, до тех пор, пока один из дербников поймает добычу. Для охотника это зрелище должно быть в высшей степени восхитительно. Что же касается до слов: "Добровидна же копцова добыча и лет", то я должен повторить то, что сказано мною в "Записках ружейного охотника".

Если случится ехать лесистой дорогою, чрез зеленые перелески и душистые поляны, — только что выедешь на них, как является в вышине копчик. Если он имеет гнездо неподалеку, то обыкновенно сопровождает всякого проезжего, даже прохожего, плавая над ним широкими, смелыми кругами в высоте небесной. Он сторожит изумительно зоркими своими глазами: не вылетит ли какая-нибудь маленькая птица из-под ног лошади или человека. С быстротою молнии падает он из поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успеет упасть в траву, спрятаться в листьях дерева или куста, то копчик вонзит в нее острые когти и унесет в гнездо к своим детям. Если же не удастся схватить добычу, то он взмоет вверх крутою дугою, опять сделает ставку и опять упадет вниз, если снова поднимется та же птичка или будет вспугана другая. Копчик бьет сверху, черкает, как сокол, на которого совершенно похож. Иногда случается, что от боль-

ших детей вылетают на ловлю оба копчика, самка и чеглик, и тогда они могут позабавить всякого зрителя и не охотника. Нельзя без приятного удивления и невольного участия смотреть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит! Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то он сейчас уносит добычу к детям, а другой остается и продолжает плавать над человеком, ожидая и себе поживы. Случается и то, что оба копчика, почти в одно время, поймают по птичке и улетят с ними, но чрез минуту один непременно явится к человеку опять. Копчик загадочная птица: на воле ловит чудесно, а ручной ничего не ловит. Я много раз пробовал вынашивать копчиков (то же, что дрессировать собаку) и гнездарей и слетков; выносить их весьма легко: в три, четыре дня он привыкнет совершенно и будет ходить на руку даже без вабила (кусок мяса); стоит только свистнуть да махнуть рукой, стоит копчику только завидеть охотника или заслышать его свист — он уже на руке, и если охотник не протянет руки, то копчик сядет на его плечо или голову — живой же птички никакой не берет. Эта особенность его известна всем охотникам, но я не верил, пока многими опытами не убедился, что это совершенная правда. Потеряв всякую надежду, чтобы копчик стал ловить, я обыкновенно выпускал его на волю, и долго видели его летающего

около дома и слышали жалобный писк, означающий, что он голоден. Получал ли копчик прежнюю способность ловить на воле, или умирал с голоду — не знаю.

К этому надобно прибавить, что уже было также мною сказано, то есть, что охотники у царя Алексея Михайловича умели вынашивать копчиков, что ими травили и что лов и лет копцовый, без сомнения, были добровидны.

Следующие строки, когда поставляют нововыборного: "И взяв его те рядовые два сокольника Никитка и Мишка под руки, поставляют на полянов" (в другом месте: на поляново), — заставляют меня думать, что поляново, состоящее из сена, покрытого попоной, представляет эмблематически поле или луг, заросший травою.

Слово ващага, употребленное так: "Федька Кошелев держит вабило; второй поддатень, Наумка Петров, держит ващагу", — наводит меня на мысль, что это есть не что иное, как сумка, в которую кладется вабило и которая теперь называется вачег; вероятно, эта сумка делалась из материи, пропитанной воском для того, чтобы кровь от вабила не марала платья, а потому и называлась ващагой. — Считаю нелишним рассказать все, что я видел и помню в соколиной охоте. Сокола бывают трех пород: большие, средние и малые. По цвету, перьев называют их серыми и черными. Обыкновенно охота производится следующим образом: охотники с одним или двумя соколами, разумеется, хорошо выношенными, ездят по полям, по речкам или около небольших озер; усмот-

рев издали птицу, сокола бросают с руки, и он сейчас начинает всходить кругами вверх; когда же он взойдет до известной своей высоты, птицу поднимают, спугивают, и сокол как молния падает на нее с неба. Сокола старого и умного (глупых бывает немало) [У отца моего перебывало до ста соколов, и только четверых называли умницами. Глупым называют только такого сокола, который верху не держит и сейчас бросается за всякой дрянной птицей.] спускают с руки сейчас по выезде в поле; он возьмет умеренный верх и идет им впереди охотников, сам высматривает добычу и едва завидит — вдруг начинает подниматься выше и выше над самою птицею; следовательно, сам и укажет охотникам добычу, — Лучшим соколом считается тот, который высоко ходит и, взобравшись кругами в поднебесье, делает там ставку, то есть становится неподвижно в воздухе, не поднимаясь уже кверху. В это время охотник спугивает птицу с воды или с хлебного поля, что я уже и сказал. Самый лучший сокол, что называется первого сорта, очень редко попадающийся охотникам, не станет бить птицы, пока не взойдет вверх на свою настоящую, определенную высоту. Плохой же сокол летает на кругах низко, ставки не делает и, как скоро увидит птицу, сейчас на нее бросается, схватывает когтями и опускается на землю, следовательно, тут нет никакого удовольствия для охотника. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тут дело идет не о добыче, не о числе затравленных гусей или уток, — тут охотники наслаждаются резвостию и

красотою соколиного полета, или, лучше сказать, неимоверной быстротой его падения из-под облаков, силою его удара. В народе говорят, что сокол бьет птицу грудью, и при первом взгляде это покажется справедливым; сокол бьет свою добычу крепкими приемными когтями своих задних пальцев, которые он очень искусно складывает вместе, а как в это время ноги его бывают прижаты к груди, то действительно можно подумать, что он бьет птицу грудью. Приемные когти бывают так остры и крепки, удар так силен, что если попадет по утиной шее, то иногда перерезывает ее пополам: голова отлетит в сторону, а утка падает обезглавленною. Если удар придется по крылу, то так его повреждает, что птица не может уже лететь, если же удар сложенных когтей угодит вдоль утки, то разрежет ей всю спину от репицы до шеи и заворотит кожу на сторону: пух и перья полетят по воздуху, и ошеломленная утка, перевертываясь как кубарь в воздухе, падает на землю; сокол взмоет вверх, увидит, где упала его добыча, и прямо уже опускается на нее. При соколиной охоте необходимо, чтоб охотники были верхами. Удар сокола с такой высоты, что едва можно разглядеть его, как темное пятнышко, стоящее в небе, бывает иногда очень косвенный (диагональный), и сокол может свалиться с добычей даже за полверсты и более, и потому надобно скакать туда, чтоб немедленно отыскать его, пока он не успел наесться и сделаться негодным к продолжению охоты; при травле же гусей поспешность еще необходимее: когда сокол вышибет одного гуся из стаи —

иногда повторенным ударом, если первый окажется недостаточным, — и опустится на него или свалится с ним на землю, то вся стая гусей бросится на помощь погибающему товарищу, и если охотник не подоспеет, то гуси своими крыльями и носами не только изуродуют сокола, но даже забьют до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.